

Если бы это был Чжоу Юньси, он бы сразу забрал телефон, но Е Тао не стал так поступать. Он спокойно наблюдал, как кто-то с невозмутимым изяществом притворяется важной персоной. Чжоу Цзыцянь случайно поднял взгляд и заметил холодный, отстранённый взгляд своего псевдоплемянника, который заставил его почувствовать себя немного глупо.

Чжоу Цзыцянь приподнял бровь:

— Почему у меня такое чувство, будто меня, охотника, презирает орёл?

Е Тао спокойно ответил:

— Орёл ещё не клюнул вас в глаз, значит, вы пока недостаточно постарались.

Чжоу Цзыцянь не смог сдержать смеха, схватил «хищника», который был больше похож на больного котёнка, и начал щекотать Е Тао. У того был высокий порог смеха, но щёкотки он боялся, поэтому впервые потерял свою обычную невозмутимость перед этим человеком.

Е Тао, смеясь, пытался оттолкнуть его руки, но безрезультатно. В конце концов, он был вынужден сдаться. Чжоу Цзыцянь подхватил его, почти упавшего на пол, и с хитрой улыбкой спросил:

— Ну что, ещё будешь спорить?

Е Тао покачал головой, его щёки порозовели, а глаза блестели от смеха. Конечно, это был смех, а не застенчивость, подобная нежному лотосу, трепещущему на ветру.

Чжоу Цзыцянь смотрел на своего племянника с нежностью и, повинувшись порыву, поцеловал его в щёку, самодовольно заметив:

— Видишь, как хорошо дядя о тебе заботится?

Е Тао невольно подумал:

«Ты обнимаешь того, кто может потянуть спину, чихнув, и говоришь такие вещи. Это уместно?»

Ночью, когда все уже спали, Баобао, который слишком много спал днём и теперь не мог уснуть, сидел, обняв хвост, и размышлял о кошачьей жизни. Вдруг в углу комнаты он заметил слабый белый свет.

Баобао склонил голову набок, затем отпустил хвост и побежал будить Е Тао. Тот спал неглубоко и проснулся после нескольких лёгких ударов лапой по лицу. Он включил ночник.

Под слегка удивлённым взглядом Е Тао Баобао спрыгнул с кровати, подбежал к источнику света и постучал лапой по кошачьей лежанке, которую редко использовали, но никогда не убрали.

Е Тао понял намёк, встал с кровати, достал из потайного отделения лежанки мобильный телефон и открыл сообщение от Ло Дуна.

Пока Е Тао читал сообщение, котёнок с любопытством заглядывал в телефон. Баобао отличался от обычных кошек — он не был дальтоником, поэтому фотографии произвели на него сильное впечатление.

Ло Дун прислал серию фотографий: как общих, так и крупных планов. На них был человек, сгорбленный и лежащий на земле, весь в крови. Его лицо было настолько изувечено, что невозможно было понять, жив он или мёртв.

Баобао подумал:

«Вот уж правда, человека видишь, а его сердце — нет. Встречу Ло Дуна — буду держаться подальше».

Однако Ло Дун оказался ещё более жестоким, чем предполагал Баобао. Под последней фотографией была строка текста:

[Сначала отомстил за Юйтун, но на этом не закончу. Не переживай, я сделаю так, чтобы этот ублюдок потерял всё и сел в тюрьму.]

Е Тао был человеком немногословным, многие вещи держал в себе, но история с Юйтун вывела его из себя, заставив Баобао взять на себя незаслуженную вину. Это было несправедливо, поэтому Баобао уже выяснил причину гнева Е Тао.

Баобао тоже сочувствовал Юйтун, а того извращенца ненавидел, но он был ещё молод и не мог смотреть на ситуацию с точки зрения взрослого. Он не понимал, почему Е Тао, который спокойно пережил такие испытания, как смерть, воскрешение и превращение в болезненного человека, так сильно разозлился и расстроился из-за Юйтун, даже доведя себя до болезни.

Прочитав сообщение, Е Тао позвонил Ло Дуну, чтобы узнать, как поживает девушка.

Юйтун боялась Ло Дуна и была застенчивой и замкнутой, поэтому ничего ему не рассказывала. Ло Дун отвёз её к родителям, объяснил матери, что произошло, и попросил её успокоить напуганную девочку. Хотя этот подлый учитель не осмелился на сексуальное насилие над ребёнком, Юйтун была чувствительной, и Ло Дун беспокоился, что это событие оставит у неё психологическую травму. Поэтому он решил, что если мать не сможет её успокоить, то отведёт Юйтун к психологу. Это было важно для её будущего, и лучше перестраховаться, чем потом жалеть. Кроме того, Ло Дун искал новую школу для Юйтун, чтобы перевести её.

Ло Дун всё продумал, и Е Тао нечего было добавить, кроме слов благодарности.

Ло Дун со смехом ответил:

— Отвали, не говори ерунды. Мы друзья, не стоит благодарностей. Лучше верни мне долг за те ужины, которые ты мне должен.

Не дав Е Тао ответить, телефон выключился из-за разрядившейся батареи. Е Тао пришлось найти зарядное устройство, спрятанное в глубине шкафа, и зарядить телефон. Включив его, он без удивления увидел сообщение от Ло Дуна, в котором тот ругал его за скупость. Ло Дун знал, какой Е Тао на самом деле, поэтому это сообщение было скорее шуткой, чем серьёзным упрёком. Е Тао не стал отвечать.

Удалив сообщения и историю звонков, Е Тао установил будильник на всякий случай и собирался выключить телефон. Но Баобао положил лапку на его руку:

— Я не хочу спать, я могу присмотреть за телефоном. Я лучше будильника, а когда он зарядится, я смогу его убрать, — словно говорил своими круглыми глазами Баобао.

Был ли Баобао заботливым помощником Е Тао? Объективно говоря, это нельзя исключить, но более вероятно, что он просто хотел поиграть на телефоне. Поэтому Е Тао сделал вид, что ничего не заметил, убрал лапку и нажал на кнопку выключения. Баобао, увидев это, обнял руку и телефон, словно говоря:

— Я не буду играть, давай просто поболтаем, я не могу уснуть.

Даже если бы он сказал это вслух, Е Тао бы не поверил. Если бы кошачьи лапки могли так ловко управляться с маленькими кнопками, Е Тао не пришлось бы просить у Чжоу Цзыцяня компьютер.

— Спи, — сказал Е Тао, отодвинув котёнка и спрятав выключенный телефон под матрас. Он выключил свет и лёг спать.

Баобао с обидой толкнул его несколько раз, но не получил ответа. Пришлось продолжать размышления о кошачьей жизни.

В конце августа Чжоу Юньян, который долгое время отсутствовал, вернулся домой. Вечером они с Чжоу Цзыцянем и Е Тао поужинали вместе. За столом разговаривали только Чжоу Цзыцянь и Чжоу Юньян. Чжоу Юньян вернулся от бабушки, поэтому Чжоу Цзыцянь спросил, как у того дела, всё ли в порядке. Е Тао молча слушал, спокойно поужинал и унёс оставшуюся еду для Баобао в свою комнату.

Чжоу Юньян, пока был в отъезде, много занимался спортом на свежем воздухе, поэтому загорел и стал крепче. В его взгляде стало меньше юношеской наивности. Е Тао подумал, что за это время он, возможно, что-то понял, но на следующее утро, вскоре после того, как Чжоу Цзыцянь ушёл, Чжоу Юньян пришёл к нему.

— Я привёз тебе маленький подарок, посмотри, понравится ли тебе? — Чжоу Юньян достал нефритовую подвеску, которую не успел подарить вчера. В его взгляде, полном любви и ожидания, Е Тао увидел что-то, что вызвало у него головную боль. Этот парень вроде бы не глуп, но почему в некоторых вещах он такой упрямый?

— Давай поговорим, — Е Тао положил подвеску обратно в коробку и спокойно, но прямо посмотрел на Чжоу Юньяна. — О прошлом я говорить не хочу, но ты должен понять, что это было неправильно. Мы братья, и кроме семейных уз, между нами не должно быть никаких других чувств.

Чжоу Юньян напрягся, его лёгкая улыбка словно исчезла с лица, а в глазах появилась тень:

— Если не хочешь говорить, то не говори. Я пришёл не для этого.

Он думал, что его изменившийся брат — это просто упрямый камень, но теперь понял, что это скорее нож без острия, который может внезапно ударить. Все его планы и надежды, построенные за время отсутствия, разбились в одно мгновение. Подавленность, мрачность и неудовлетворённость, которые он испытывал перед отъездом, снова вырвались наружу.

— Говорить или нет — не главное. Главное, сможешь ли ты услышать, — Е Тао отодвинул коробку. — Хватит играть с огнём. Если тебе всё равно, то мне нет.